

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-216-221

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

БАЙКОВ Денис,

студент 4 курса бакалавриата Международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,

e-mail: Bajkov_D_V@my.mgimo.ru

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА, СПОСОБОМ СОВЕРШЕНИЯ КОТОРОГО ЯВЛЯЮТСЯ ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ (КРИПТОВАЛЮТА), ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РФ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ объективной стороны мошенничества, совершаемого с использованием криптовалюты, по уголовному законодательству Российской Федерации и Турецкой Республики. Рассматриваются нормы, предусматривающие ответственность за данный вид преступления в обеих странах, выявляются их содержательные особенности и правоприменительные проблемы. Особое внимание уделяется различиям в подходах к конструированию объективной стороны: техническому (российская модель) и функциональному (турецкая модель). Делается вывод о целесообразности обращения к турецкому опыту в условиях предстоящих реформ российского законодательства в сфере оборота криптовалют. Аргументируется необходимость корректировки действующих норм с целью повышения эффективности уголовно-правовой защиты граждан от мошенничества в цифровой среде.

Ключевые слова: объективная сторона, мошенничество, криптовалюта, цифровые активы, статья 159.6 УК РФ, Уголовный кодекс Турции, информационные системы, сравнительно-правовой анализ, квалификация преступлений.

BAYKOV Denis,

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

THE OBJECTIVE SIDE OF FRAUD, THE METHOD OF WHICH IS DIGITAL ASSETS (CRYPTOCURRENCY), ACCORDING TO THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TURKEY

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the objective side of fraud committed using cryptocurrencies under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Turkey. The norms providing for responsibility for this type of crime in both countries are considered, their substantive features and law enforcement problems are revealed. Special attention is paid to the differences in approaches to the construction of the objective side: technical (Russian model) and functional (Turkish model). It is concluded that it is advisable to refer to the Turkish experience in the context of the upcoming reforms of Russian legislation in the field of cryptocurrency turnover. The article argues for the need to adjust existing regulations in order to increase the effectiveness of criminal protection of citizens from fraud in the digital environment.

Key words: objective side, fraud, cryptocurrency, digital assets, Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, Turkish Criminal Code, information systems, comparative legal analysis, qualification of crimes.

Стремительное развитие цифровых технологий и их проникновение во все сферы общественной жизни привели к трансформации не только экономических отношений, но и структуры преступности. Рынок криптовалют, демонстрирующий устойчивый рост капитализации и вовлеченности участников,

становится привлекательной средой для совершения противоправных деяний. По мере увеличения числа транзакций с цифровыми активами пропорционально растет и статистика преступлений, связанных с их использованием. Этот тренд носит глобальный характер, однако каждая страна реагирует на вызовы цифровой

эпохи по-своему, формируя уникальные подходы к уголовно-правовой охране имущественных прав граждан в виртуальном пространстве. В данной статье будет проведен сравнительно-правовой анализ объективной стороны мошенничества, совершаемого с использованием криптовалюты, по уголовному праву Российской Федерации и Турецкой Республики с целью выявления особенностей правового регулирования и возможных путей совершенствования законодательства[1].

Особый интерес представляет турецкий опыт, который в последние годы приобретает все большее значение. В Турции, столкнувшейся с хроническим обесцениванием национальной валюты и высокой инфляцией, значительная часть населения обратилась к криптовалютам как к инструменту сбережения и инвестирования. Данное обстоятельство обусловило массовое открытие криптокошельков на крупных международных и местных биржах и, как следствие, породило насущную потребность в обеспечении безопасности и стабильности национального криптовалютного рынка. Турецкое правительство видит в упорядочении оборота цифровых активов не только способ защиты прав граждан, но и механизм предотвращения оттока капитала из национальной экономики. Кроме того, принимая во внимание давнее стремление Турции к интеграции с Европейским Союзом, нельзя не отметить активное заимствование турецкими законодателями европейских правовых стандартов. Так, принятие в июле 2024 года Закона № 7518 «О внесении изменений в Закон о рынках капитала», ставшего на сегодняшний день ключевым нормативным актом в сфере регулирования криптовалют в стране, во многом было инспирировано принятием регламента Европейского Союза MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation). Данное заимствование демонстрирует стремление к гармонизации правового поля и внедрению передовых регуляторных практик.

Как верно отмечает Шейхмагомедов Д.Ш., в условиях международных санкций и ограничений на финансовые расчеты для Российской Федерации вопросы правового регулирования криптовалют приобретают особую остроту. На законодательном уровне уже рассматриваются возможности официального допуска национальных банков к работе с криптоактивами для расчетов с иностранными контрагентами, что предвещает масштабные изменения в сфере оборота цифровой валюты. В преддверии этих перемен крайне важно предусмотреть эффективные меры уголовно-правовой ответственности, способные предотвратить возможные случаи обмана

граждан и хищения их цифровых средств. Именно поэтому компаративистское исследование подходов двух стран к определению объективной стороны мошенничества с криптовалютой представляется не только теоретически значимым, но и практически востребованным[2].

В действующем законодательстве России и Турции отсутствуют специальные составы преступлений, прямо и полностью охватывающие все случаи мошенничества с криптовалютой. Правоприменители вынуждены квалифицировать подобные деяния по общим или смежным нормам, что порождает неоднозначность судебной практики. В Российской Федерации мошенничество с использованием цифровых активов чаще всего квалифицируется по двум статьям: общей норме – статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и специальной – статье 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации». В некоторых случаях, в зависимости от способа совершения деяния, возможна также квалификация по статье 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

В турецком уголовном законодательстве, в частности в Уголовном кодексе Турции (Türk Ceza Kanunu – TCK) № 5237, также нет отдельной статьи о криптовалютном мошенничестве. Основную нагрузку несут общие и квалифицированные составы: статья 157 (обычное мошенничество – dolandırıcılık), предусматривающая ответственность за обман с целью незаконного обогащения; и статья 158, пункт «f» (квалифицированное мошенничество – nitelikli dolandırıcılık), которая применяется в случае совершения преступления с использованием информационных систем (bilgi sistemleri). Также возможно применение статьи 244 (похожа на российскую ст. 272) за вмешательство в работу информационной системы, и пункта «e» части 2 статьи 142 УК ТР, устанавливающего ответственность за кражу, совершенную с использованием информационных систем. Важно отметить, что, хотя Закон № 7518 вводит широкий спектр административных и регуляторных механизмов, включая лицензирование провайдеров криптоуслуг и защиту активов клиентов, его уголовно-правовые последствия касаются в основном деятельности самих поставщиков услуг, а не общих случаев мошенничества[3].

Более детальный анализ объективной стороны показывает значительные концептуальные различия между российским и турецким подходами. На первый взгляд, статья 159.6 УК РФ может показаться достаточной для квалификации большинства случаев криптовалютного мошенничества. Логика здесь

проста: криптовалюта представляет собой компьютерный код, а деяние направлено на его неправомерный оборот. Однако данная норма имеет существенные содержательные ограничения, которые проявляются в детализированном перечне способов совершения преступления, указанных в диспозиции: ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Таким образом, объективная сторона состава преступления по ст. 159.6 УК РФ напрямую связана с нарушением безопасности функционирования компьютерных систем[4].

Действительно, некоторые виды хищения криптовалюты осуществляются именно за счет использования уязвимостей в сети, например, атака одного подтверждения или взлом криптокошелька. Однако на сегодняшний день существует множество мошеннических схем, при которых злоумышленники не нарушают процесс функционирования компьютерных систем и не производят их модификацию или блокировку. Вместо этого они целенаправленно воздействуют на сознание и волю человека, используя компьютерную информацию в качестве средства обмана. Это могут быть методы нейролингвистического программирования при общении в мессенджерах, фишинговые атаки, распространение ложных сведений в социальных сетях, создание поддельных сайтов криптобирж или инвестиционных платформ, злоупотребление доверием через различные колл-центры и псевдо-брокерские компании. Как справедливо отмечает в своих исследованиях К.В. Ображиев, норма статьи 159.6 УК РФ является результатом не самого удачного заимствования из Уголовного кодекса ФРГ, что предопределяет ее ограниченную применимость к широкому спектру деяний в цифровой среде[5, 6].

Яркой иллюстрацией указанной проблемы служит резонансный случай с запуском и обвалом токена \$TRUMP в США в январе 2025 года. Проект, позиционировавшийся как официальная криптовалюта действующего президента, был запущен на блокчейне Solana. Агрессивный маркетинг и обещания эксклюзивных привилегий спровоцировали невероятный ажиотаж, в результате которого цена токена на пике превышала 73 доллара США, а общая рыночная капитализация достигала 27 миллиардов долларов. Однако за стремительным взлетом последовало катастрофическое падение: к маю 2026 года стоимость токена обрушилась более чем на 95%, опустившись

до уровня 2,40–3,40 доллара. Данный обвал обернулся колоссальными убытками для сотен тысяч частных инвесторов, совокупные потери которых, по оценкам аналитиков, составили от 2 до 4,3 миллиарда долларов. Расследование показало, что распределение токенов было крайне централизованным (80% эмиссии контролировалось структурами семьи Трампа), а узкий круг крупных инвесторов заработал на продажах более 1,1 миллиарда долларов, что вызвало обоснованные обвинения в инсайдерской торговле и реализации классической схемы «пампа и дампа». С точки зрения российского уголовного права, квалифицировать подобное деяние крайне сложно. С одной стороны, налицо признаки обмана, повлекшего причинение имущественного ущерба, что требует применения статьи 159 УК РФ. С другой стороны, субъект не осуществлял «иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации», следовательно, статья 159.6 УК РФ неприменима. Данный пример наглядно демонстрирует, насколько размыта грань между уголовно наказуемым мошенничеством и «неудавшимся стартапом» в рамках действующего российского законодательства. При квалификации по общей статье 159 УК РФ полностью нивелируется технологический аспект преступления, не учитывается его совершение в информационной среде и транснациональный характер[7, 8].

Противоположный подход демонстрирует турецкое уголовное законодательство, которое в определении объективной стороны мошенничества с использованием информационных технологий делает акцент на функциональный, а не на технический аспект. В нормах, в частности в статьях 142 (кража) и 158 (мошенничество) УК ТР, используется широкая формулировка – «с использованием информационных систем» («bilgi sistemlerinin kullanılması ile»). Турецкое правовое толкование понятия «информационные системы» включает в себя не только техническое оборудование и программное обеспечение, но и передаваемые данные, а также цифровую среду в целом. Как отмечается в турецкой юридической литературе, в частности в обзорах решений Верховного суда (Yargıtay) по вопросам преступлений в информационной среде, данное понятие трактуется широко и охватывает процессы ввода, обработки, хранения и передачи данных, а также связанные с ними телекоммуникационные сети. Благодаря такому широкому толкованию правоприменители Турции обладают потенциально большими возможностями для квалификации деяния как мошенничества именно в сфере информационных технологий.

При рассмотрении мошенничества с криптовалютой турецкие суды могут признать факт самого использования блокчейна и цифровой среды для совершения обмана как квалифицирующий признак по статье 158, пункт «f» (совершение мошенничества с использованием информационных систем). Например, в случае с токеном \$TRUMP турецкий суд, вероятно, не стал бы углубляться в технические детали анализа компьютерного кода, а квалифицировал бы деяние исходя из того, что информация о проекте распространялась через цифровые каналы (интернет, социальные сети), транзакции проходили через блокчейн, и управление активами осуществлялось в информационной системе. Такой подход, хотя и не лишен дискуссионности с точки зрения классической доктрины уголовного права, делает механизм уголовно-правовой защиты более гибким и адаптивным к реалиям цифровой экономики[9].

Сравнительный анализ российского и турецкого подходов к уголовно-правовой оценке мошенничества с использованием криптовалюты позволяет выявить как концептуальные сходства, так и существенные расхождения в правовом регулировании. Общей для обеих юрисдикций является позиция, в соответствии с которой криптовалюта признается предметом имущественных преступлений, а не просто информацией или нематериальным активом, не имеющим экономической ценности. Это создает принципиальную возможность привлечения виновных к уголовной ответственности за хищение цифровых активов. Кроме того, в обеих странах правоприменители сталкиваются со схожими трудностями при доказывании субъективной стороны преступления, в частности, при разграничении умысла на мошенническое хищение и гражданско-правовых отношений, возникающих из неисполнения обязательств по сделкам с криптовалютой.

Вместе с тем различия между двумя правовыми системами представляются более значительными. Прежде всего, они касаются статуса криптовалюты как предмета преступления. В российской правовой доктрине и правоприменительной практике, несмотря на дискуссионность вопроса, криптовалюта преимущественно рассматривается как имущество, а в отдельных случаях – как иное имущество в смысле примечания 1 к статье 158 УК РФ, что позволяет применять нормы о хищениях. В Турции правовой статус цифровых активов в уголовно-правовом смысле остается менее определенным и производным от административного регулирования, которое активно развивается в последнее время, однако практика Верховного суда Турции постепенно

вырабатывает подходы к признанию криптовалют объектом преступных посягательств. Наиболее яркое различие обнаруживается в сфере санкций: турецкое уголовное законодательство предусматривает исключительно жесткие наказания за квалифицированное мошенничество с использованием информационных систем. В зависимости от квалификации деяния по пункту «f» статьи 158 УК ТР, срок лишения свободы может достигать 22 лет, что существенно превышает максимальные сроки, предусмотренные российским Уголовным кодексом за аналогичные деяния. Эта разница отражает принципиально различное отношение государства к степени общественной опасности цифровых преступлений. Наконец, различаются и акценты правоприменительной деятельности[10].

В Турции на передний план выходит контроль за происхождением средств, прохождением транзакций и прозрачностью операций, что обусловлено стремлением государства интегрировать криптовалютный рынок в систему финансового мониторинга и противодействия отмыванию денег. Российское правоприменение, напротив, традиционно концентрируется на доказывании самого факта обмана или злоупотребления доверием как способа хищения и корыстной цели виновного, оставляя вторичными вопросы о технических характеристиках движения цифровых средств. Данные различия свидетельствуют о том, что турецкая модель делает больший акцент на системном и превентивном регулировании криптовалютного оборота, тогда как российская сохраняет приверженность классическому составу мошенничества, адаптируя его к цифровым реалиям лишь в части использования компьютерной информации как средства совершения преступления.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о фундаментальной разнице в подходах к конструированию объективной стороны мошенничества с использованием криптовалюты в России и Турции. Российское законодательство, в частности статья 159.6 УК РФ, заточено под техническое вмешательство в работу компьютерных систем, что оставляет за рамками уголовно-правового регулирования широкий пласт общественно опасных деяний, где обман осуществляется через манипуляцию цифровой информацией без нарушения целостности систем. Это приводит к необоснованному применению общей нормы (статья 159 УК РФ), которая не учитывает специфику цифровой среды и усложняет процесс доказывания. Турецкий подход, напротив, базируется на широком толковании термина «использование информационных систем», что

позволяет охватывать все разнообразие способов цифрового мошенничества, не делая акцент на техническом способе вмешательства [11, 12].

Учитывая грядущие реформы на рынке криптовалюты в России и расширение сферы их легального оборота, представляется целесообразным рассмотреть возможность корректировки действующих уголовно-правовых норм. Вместо попыток дальнейшей технической детализации способов совершения преступления в статье 159.6 УК РФ, что в условиях стремительно развивающихся технологий заведомо обречено на неудачу, законодателю стоит обратиться к опыту Турецкой Республики. Введение в уголовный закон более общих, технологически нейтральных конструкций, связывающих квалификацию с самим фактом использования информационно-телекоммуникационных сетей и цифровых платформ для совершения обмана, могло бы стать эффективным решением. Такой подход позволил бы преодолеть существующие пробелы в правовом регулировании, создать единую правоприменительную практику и обеспечить надежную уголовно-правовую защиту граждан от новых форм мошенничества в цифровую эпоху, не дожидаясь, пока количество жертв «неудавшихся стартапов» достигнет масштабов, сравнимых с ситуацией вокруг токена \$TRUMP.

Список литературы:

- [1] Архипов, А. В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 12-20
- [2] Шейхмагомедов Д.Ш. Уголовно-правовая характеристика хищения цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Закон и право. 2025. № 6. С. 274—282.
- [3] Мустафин, Р. Ф. Криптовалюта как товар с точки зрения международного частного права / Р. Ф. Мустафин, С. А. Мустафина, Е. А. Купко // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 2 (55). С. 24-27
- [4] Гриб Д.В. Цифровые финансовые активы как предмет преступлений в сфере информационных технологий по законодательству республики Беларусь и Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2. С. 77—82.
- [5] Григорян, Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Г. Р. Григорян. - Самара, 2021. — 23 с.
- [6] Косыгин, В. Е. Мошенничество с

использованием электронных средств платежа: некоторые проблемы правоприменения / В. Е. Косыгин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 1 (291). — С. 173-177.

[7] Ильин С.А. Мошенничество с криптовалютой: вызовы и перспективы // Вестник науки №10 (91) том 3. С. 229 - 242. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/25988> (дата обращения: 17.06.2026 г.).

[8] Уразаков А. И. Криптовалюта в сфере экономической преступности: тактические и доказательственные проблемы расследования // Актуальные исследования. 2025. №50 (285). Ч.III. С. 52-55.

[9] Аджиев Н.Б. Криптовалюта как предмет преступлений против собственности / Н.Б. Аджиев // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — №8 (134). — URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.149> (дата обращения: 17.06.2026).

[10] Косыгин, В. Е. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: некоторые проблемы правоприменения (часть 2) / В. Е. Косыгин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 6 (296). — С. 118-121.

[11] Олейник, Е. Н. Проблематика ограничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа [Текст] / Е. Н. Олейник // Балтийский гуманитарный журнал. — Тольятти: Изд-во Некоммерческое партнерство «Институт направленного образования», 2018. — Т. 7. — С. 403—406.;

[12] Перов, В. А. Квалификация действия лиц, совершающих преступления с использованием криптовалюты на территории Российской Федерации [Текст] / В. А. Перов // Российский следователь. — М.: Издательская группа «Юрист», 2018. — № 4. — С. 54—57.

References:

- [1] Arkhipov, A. V. History of the development of legislation on liability for fraud in Russia//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. № 40. S. 12-20
- [2] Sheikmagomedov D.Sh. Criminal law characteristics of theft of digital financial assets and digital currency//Law and law. 2025. № 6. S. 274-282.
- [3] Mustafin, R. F. Cryptocurrency as a commodity from the point of view of private international law/R. F. Mustafin, S. A. Mustafina, E. A. Kupko//Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2021. № 2 (55). S. 24-27
- [4] D.V. Mushroom. Digital financial assets

as a subject of crimes in the field of information technology under the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation//Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2. S. 77-82.

[5] Grigoryan, G. R. Fraud in the field of computer information: problems of criminalization, legislative regulation and qualifications: abstract of dis.... Candidate of Law: 12.00.08/G. R. Grigoryan. -Samara, 2021. - 23 s.

[6] Kosygin, V.E. Fraud using electronic means of payment: some problems of law enforcement/V.E. Kosygin. - Text: direct//Young scientist. — 2020. — № 1 (291). - S. 173-177.

[7] Ilyin S.A. Cryptocurrency Fraud: Challenges and Prospects//Science Bulletin No. 10 (91) Volume 3. S. 229-242. 2025 ISSN 2712-8849// Electronic resource: <https://www.вестник-науки.рф/article/25988> (accessed 17.06.2026).

[8] Urazakov A.I. Cryptocurrencies in the field of economic crime: tactical and evidentiary problems of investigation//Actual research. 2025. №50 (285).

CH.III. S. 52-55.

[9] Adzhiev N.B. Cryptocurrency as a subject of crimes against property/N.B. Adzhiev// International Research Journal. — 2023. — №8 (134). - URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.149> (access date: 17.06.2026).

[10] Kosygin, V.E. Fraud using electronic means of payment: some problems of law enforcement (part 2)/V.E. Kosygin. - Text: direct// Young scientist. — 2020. — № 6 (296). - S. 118-121.

[11] Oleinik, E. N. Problems of delimiting theft of property from a bank account from fraud using electronic means of payment [Text]/E. N. Oleinik// Baltic Humanitarian Journal. - Togliatti: Publishing House Non-Profit Partnership "Institute of Directed Education," 2018. - VOL. 7. - S. 403-406.;

[12] Perov, V. A. Qualification of the actions of persons committing crimes using cryptocurrency on the territory of the Russian Federation [Text]/V. A. Perov//Russian investigator. - M.: Publishing group "Lawyer," 2018. — № 4. - S. 54-57.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru